

Глава 18. Марионетка 11

Жёлтые талисманы заняли восток, запад, юг, север и центр, запечатав злого духа так плотно, что не просочиться.

Чэнь Лин стиснул в руке чёрный шнур и, напрягая все силы, всё равно не смог сдвинуть призрака с места:

— У Вэйвэй, иди помоги.

У Вэйвэй, суетясь, сбежал по лестнице и вместе с ним налёг — только тогда им удалось подтащить призрака к себе.

Глядя на эту омерзительную рожу, Чэнь Лин нахмурился: что дальше делать, он не знал. Его нынешнего уровня ещё не хватало, чтобы призвать Иньчай и передать им злого духа под стражу.

С разгребанием последствий всё равно придётся обращаться к учителю.

Чжао Сюньчан и без того знал, что младший ученик позвонит. Телефон зазвонил — и он тут же ответил:

— Открой дверь. Я уже у входа.

Чэнь Лин боялся, что призрак сбежит, поэтому не смел отпустить из рук плотницкий шнур. Дверь в итоге пошёл открывать У Вэйвэй.

От Чжао Сюньчана тянуло предрассветной прохладой и сырой росой. Войдя, он сперва постоял, огляделся и оценил:

— А ты не дурак. Понял, что твоим талисманам силы не хватает, и взял количеством.

С приходом учителя у Чэнь Лина сразу прибавилось уверенности.

Он отбросил почерневший шнур и зашептал заклинание:

— Небо и Земля, пошлите воинства, сразите нечисть и зло. Да будет ярость богов — кости в прах, пепел по ветру. Срочно, как велит закон!

Пять талисманов для подавления злых духов будто обрели глаза — и разом прилепились к телу злого духа.

Пронзительный вопль расколол тишину деревни. Кровавые слёзы в глазах Гао Цин лились всё сильнее, всё лицо было в крови, а связанные за спиной руки — пока никто не заметил — уже вырвались из пут.

На её руках зияли раны до кости, но она, как ходячий труп, не чувствовала боли и только выкрикивала:

— Никто не имеет права причинить ему вред! Никто не имеет права причинить ему вред...

Первым это заметил У Вэйвэй:

— Брат Чэнь, осторожно, Гао Цин!

Чэнь Лин бросил взгляд на всё ещё бесчувственного господина Гао — похоже, действовать придётся самому. Одной рукой он перехватил Гао Цин, рванувшую к призраку, а другой, ладонью вниз, тяжело рубанул.

Тело Гао Цин вздрогнуло и обмякло, рухнув на пол.

Талисманы для подавления злых духов потеряли силу и обернулись пеплом. Чжао Сюньчан подошёл, поднял с пола свесившийся плотницкий шнур и начал обматывать им уже бессильного призрака — виток за витком, круг за кругом, а потом резко дёрнул за конец —

и шнур сжался в плотный ком, сплющив духа внутри.

Чэнь Лин сказал У Вэйвэй:

— Поднимись и принеси мёртвый плод.

Едва вспомнив то лицо с вырванным куском плоти, У Вэйвэй вздрогнул. С мурашками по всему телу он взлетел вверх, схватил шевелящийся в животе мёртвый плод, сбежал вниз и положил у ног Чэнь Лина.

Чэнь Лин поднял его на руки, с жалостью погладил по голове и передал учителю.

Чжао Сюньчан принял его одной рукой, другой взвесил ком из шнура с заточённым злым духом и наказал младшему ученику:

— Я сначала заберу их обратно. Призову Божество мира Инь, чтобы их увели. Ты останешься здесь, разберёшься с хвостами — и заодно получишь оплату.

— Хорошо, учитель.

Дверь виллы распахнулась и снова закрылась. Только после этого У Вэйвэй отошёл от дальнего чайного столика и подошёл ближе:

— Брат Чэнь, ты просто зверь.

Даже без учителя рядом подхалимаж продолжался. Чэнь Лин поправил:

— Не я зверь. Самый крутой — мой учитель.

Младшему разве спорить со старшим? У Вэйвэй тут же закивал и поднял большой палец:

— Учитель — вот это да. Бессмертный дух, скрытая мощь, эталон мастера.

Чэнь Лин довольно усмехнулся — и в этот момент его живот громко заурчал.

Он опустил взгляд: за ночь вымотался и проголодался.

Вдвоём с У Вэйвэем они перенесли господина Гао и Гао Цин на диван. Потом Чэнь Лин закатал рукава, пошёл на кухню, поставил кастрюлю пшённой каши и варить яйца вкрутую. Он как раз потянулся за салфеткой и вытирал руки, когда рядом мелькнула чёрная тень.

Решив, что это У Вэйвэй, Чэнь Лин, не поднимая головы, сказал:

— Сейчас всё будет.

— Не забывай убирать утром и вечером. И ставить по три палочки благовоний, — низкий густой мужской голос, почти касаясь дыханием уха.

Чэнь Лин: «...» У господина Цзяна требований и правда чересчур много.

— И ещё, — голос мужчины чуть задержался, ладонь легла на шею сзади, — в следующий раз перед выходом сначала поставь на талисмানে печать Хуаншэнь Юэчжаньинь, а потом трижды прочти заклятие изгнания нечисти.

Чэнь Лин не ответил и резко обернулся. Мужчина уже отступил. Высокая прямая спина в костюме мелькнула в дверях и исчезла.

Даже догонять не надо было, чтобы понять: стоит Цзян Юю переступить порог — и след его

растворится.

Чэнь Лин и представить не мог, что предок снова явится его наставлять. На душе стало сложно и мутно. Он упёрся лбом в стену, но холод не успокоил нетерпеливое сердце — наоборот, напомнил о дыхании, только что скользнувшем у самого уха.

Плита зашипела — каша вот-вот убежит.

Чэнь Лин опомнился, кинулся выключать огонь и разложил густую пшёнку с яйцами по мискам.

Настроение, расшатанное Цзян Юем, быстро рассеял ароматный завтрак. Чэнь Лин с удовольствием сделал глоток, а У Вэйвэй, ничуть не стесняясь, подсел и стал есть вместе с ним.

Господин Гао очнулся, соблазнившись запахом еды, и первым делом увидел жену.

Рука Гао Цин была изранена тяжело: на тыльной стороне запястья белела кость. И страшно смотреть, и жалко до боли.

Вскоре она тоже пришла в себя. Растерянно посмотрела на мужа, потом, услышав звуки, повернулась к двум молодым людям у стола. В её пустой голове не находилось ни крошки воспоминаний о том, как она здесь оказалась.

Наевшийся Чэнь Лин перенёс остатки завтрака на чайный столик в гостиной:

— Сначала поешьте.

Гао Цин только шевельнула рукой — и от боли тут же прослезилась. Господин Гао едва не разрывался от жалости: сначала влажной салфеткой вытер с её лица засохшие кровавые слёзы, потом мягко сказал:

— Давай сначала умоемся. И сразу отвезу тебя в больницу.

Она была измучена голодом. Рука не слушалась, и она просто наклонилась и губами стала пить кашу.

Чэнь Лин сел на соседний диван:

— Госпожа Гао, вы помните, где были вечером первого дня десятого месяца по лунному календарю в прошлом году? То есть двадцать восьмого ноября.

Гао Цин проглотила ложку каши и оцепенело уставилась на него:

— Двадцать восьмое ноября...

Туман полугодового забвения словно сдуло холодным ветром вместе с этой датой.

Лицо, только что вытертое насухо, снова намокло.

Всхлипывая, Гао Цин заговорила:

— В тот день я внезапно решила поехать на осмотр в больницу. А врач сказал... сказал, что мой ребёнок... — она опустила глаза на живот: выпуклость исчезла.

По потрясённому, растерянному выражению жены господин Гао всё понял:

— Похоже, она ничего не помнит.

— Ей морочил разум призрак. Когда злой дух уничтожен, сознание больше не под контролем и естественно восстанавливается. Но память об этом промежутке обычно не возвращается тем, у кого воля слабее, — У Вэйвэй, сытый и довольный, уселся неподалёку от Чэнь Лина.

Господин Гао всё ещё смотрел на него косо, поэтому повернулся к Чэнь Лину. Увидев кивок, начал рассказывать жене всё, что произошло за это время.

Выслушав, Гао Цин горько пожалела.

— Тогда я не смогла принять, что сердце плода остановилось и ребёнка придётся удалить. Ночью вышла пройтись. Из-за душевного состояния почти не замечала, что вокруг, и сама не поняла, как забрела на пустынную дорогу. Помню, там многие жгли поминальную бумагу: кто для жены, кто для умершего младенца...

Память была уже расплывчатой. Помолчав, она продолжила:

— Меня тронули эти печальные лица, и я села у обочины. Не знаю, сколько просидела. Немного отпустило, я встала — и вдруг почувствовала, как кто-то взял меня за руку.

Ладонь была ледяная, пальцы тонкие, но липкие. Не разобрать — мужчина это или женщина.

Лица она не помнила. Помнила только слова:

— Я могу вернуть твоего ребёнка к жизни.

Для матери, которая вот-вот совсем потеряет своё дитя, это было слишком сильным искушением.

Гао Цин не раздумывала:

— Если вы сможете его спасти, я сделаю всё, что угодно.

Свет фонаря делал лицо того человека мертвенно-бледным, черты расплывались. Затем он мягко положил ладонь ей на плечо и всё ближе наклонялся к её лицу...

На этом память обрывалась.

Гао Цин закрыла лицо руками:

— Мне не следовало соглашаться.

Она думала, что перед ней спаситель, а под маской скрывался людоед-дух.

Призрак использовал «ребёнка» как поводок, сделал её марионеткой и заставлял добывать ему подпитку, чтобы держаться в мире живых.

Мало того — он превратил её семью в ад. Если бы муж не настоял и не пригласил мастера, она не представляла, где была бы сейчас — в этом мире или в преисподней.

Господин Гао был искренне благодарен Чэнь Лину и за профессионализм, и за отношение, поэтому заплатил втрое больше той суммы, что сначала дал У Вэйвэю.

Чэнь Лин довольно убрал чек и напомнил:

— Госпоже Гао злой дух повредил основу. Лучше несколько лет восстановиться и только потом думать о ребёнке.

Вспомнив, как призрак когда-то залез ей в живот и его потом извлекали операцией, Гао Цин стало не по себе. Господин Гао поспешно сжал её руку, успокаивая, и кивнул Чэнь Лину: всё исполнят.

Сказано было всё, что нужно. Чэнь Лин поднялся прощаться и посмотрел на бледную, подавленную Гао Цин.

— Госпожа Гао, вы ещё хотите что-то сказать?

— Я... — она опустила ресницы, тяжёлый взгляд скользнул по гладкому полу. — Господин Чэнь, как вы собираетесь поступить с тем ребёнком?

Чэнь Лин молча ждал продолжения.

— Всё-таки это плоть от моей плоти. Если можно... я могу похоронить его заново?

— Можно. Но только после того, как душа младенца, запертая в оболочке, получит освобождение. — Сказав это, Чэнь Лин вспомнил Чжан Сяося — тоже несчастную мать, которая любила своего ребёнка.

Он хлопнул себя по лбу: нужно было попросить учителя не отправлять детские души так быстро.

— Господин Гао, госпожа Гао, мне надо срочно идти.

С этими словами он сорвался с места, на бегу вытащил телефон и набрал учителя, спрашивая, как там обстоят дела.

Чжао Сюньчан, похоже, был занят и не ответил.

Чэнь Лин добежал до дворика, не успел перевести дух и, толкнув калитку, сразу услышал глухие рыдания.

Чжан Сяося, вцепившись в одежду на груди, вышла заплаканная. Увидев Чэнь Лина, тут же попыталась встать на колени.

Он поспешно удержал её, взглянул на учителя у двери и понял: она уже видела Сяобао. Тихо утешил:

— Сестра Чжан, Сяобао только пришёл в этот мир, не успел завязать кармических узлов и не совершил злых деяний. В мире Инь он быстро переродится. В следующей жизни у него обязательно будут счастье и покой.

Чжан Сяося захлёбывалась слезами и не могла говорить.

Чэнь Лин похлопал её по плечу, подумал и, показав учителю жестом, лично проводил её домой.

Вернувшись, Чжао Сюньчан передал ученику свёрток в белой ткани. Чэнь Лин раскрыл — внутри было крошечное, исхудавшее тело младенца.

Через три дня детей Чжан Сяося и Гао Цин похоронили вместе на кладбище Юйхэ. После кремации в могилу опустили временно устроенное захоронение с прахом.

Две чёрные мраморные урны поставили в нишу и закрыли плитой. Между ними было совсем небольшое расстояние. Вокруг трава и кусты стояли жухлые, а вдали синело небо с белыми облаками.

Чэнь Лин не пошёл вниз с остальными. Он присел на корточки и пальцами разгрёб сухую траву.

Под увядшими стеблями пряталась точка зелени — молодой, только что проклюнувшийся росток.

Озеро у подножия горы всё ещё оставалось чёрным, но если принюхаться, то можно было заметить: прежнего тошнотворного смрада больше нет.

Чэнь Лин снова сбежал вниз, обогнул дворик сбоку — тот маленький древесный росток, что вылез раньше, уже вытянулся почти на дюйм.

Он изо всех сил тянул тонкие хрупкие веточки к яркому солнцу.

Быть может, однажды Юйхэшань и правда станет такой, как описывала мама: кругом изумрудная зелень и мягкие травы.

Сердце Чэнь Лина было полно надежды. Эта надежда превращалась в силу, давая ему бесконечную энергию для любых дел.

И первым делом надо было наведаться в дом Цзянов — посмотреть, нельзя ли раскопать пару старых сплетен про Цзян Юя.

<http://bllate.org/book/13702/1584870>